

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ**“NUESTRO PAIS”**

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual Nº 949917

Editor
Miguel Kireeff
Monroe 4329

1430 Buenos Aires - Argentina

Suc. 30 (B)
Correo
ArgentinoFRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 4233
Concesión Nº 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXXV Buenos Aires, sabado 2 de julio de 1983

Буэнос Айрес, суббота 2 июля 1983

№ 1719

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ НАШЕЙ СТРАНЫ

НАРОДНЫЙ СТРОЙ

“Введение слова народность по-тому необходимо, что оно возве-щает то понимание, при котором отвергается господствующее у нас стремление к подражательности и возвещается, что только самобытностью крепки народ и государство”.

Д. А. Хомяков
“Православие, самодержавие, народность”. Монреаль, 1982 г., стр. 230

Народный строй обозначает в первую очередь такой строй, который не навязан извне, другим народом или другими народами, и который не навязан изнутри частью, классом или сословием собственного народа над всем народом. Другими словами, народный строй обозначает свободный строй, так как он предполагает отсутствие господства над народом — как других народов, так и его собственных отдельных частей. Это значит, что народный строй, это такой политический строй, который зарождается и развивается органически в самом народе, при несомненном влиянии других народов появляющихся на его историческом горизонте, но без схождения с собственных путей и без потери собственной культуры и политической самобытности, без потери своего быта, то есть без потери свободы. (В выше цитированном труде, Д. А. Хомяков подчеркивает, следуя за К. С. Аксаковым и Н. М. Павловым, что “свобода” значит “свой быт”, указывая, что “если можно ею ротиться и клаться”, то лишь после уяснения, в чем этот “свой быт” и заключается”. Стр. 11).

Значит, народный строй это по происхождению свой собственный исторический строй, а по содержанию такой строй, в котором принимает органическое участие, так или иначе, весь народ. Настоящий народный строй, таким образом, возможен лишь при этих двух условиях: при самобытности и при соучастии всего народа.

По самому смыслу слова “на-род”, народный строй обозначает над-родовую, над-сословную, над-классовую, над-партийную политическую власть, то есть власть не зависящую ни от одной составной части, но стоящую над всеми частями.

Больше того, само мирное сожительство, то есть политическое сожительство всех частей в рамках одного политического режима, возможно лишь при общем согласовании всех интересов на каком-то высшем уровне, с которого и производится арбитраж в случае частных несогласий. Народный строй — это интеграция дифференцированных интересов, в противоположность преобладанию одних интересов над другими. Но такая интеграция интересов, требует — не только как залог и обеспечение, но и принципиально — интеграции народа в самой власти. Политическая власть должна быть интегральной и

органической, то есть должна быть не властью кого-то над кем-то, но властью всех на благо всех, лишь функционально дифференцирующей на те или иные органы, как дифференцируются по своим функциям все органы в каждом организме.

Народ как высший социальный организм, состоящий из обладающих сознанием людей, стремится к такой политической организации, в которой нужный для ее функционирования отбор тех или иных органов должен происходить сознательно, с участием всего народа. Такое публичное, открытое, общее, соборное соучастие всего народа в создании

и сохранении собственного народного политического строя, связано по смыслу с другим значением слова народ в тех языках, в которых слово народ одного корня со словом публичность. Даже возможно, что политика, народ, публичность, а может быть и полнота, цельность — одного общего происхождения.

Практически это значит, что народный строй если и требует, как органический строй, отбора для интеграции функционально дифференцированных политических органов, то такой отбор должен быть, во всяком случае, публичным от начала и до конца. Народный строй несовместим с закулисной подтасовкой кандидатов на те или иные должности, а также и несовместим с наличием самовыраживающей себя номенклатуры. Конечно, во всех политических режимах существует в том или ином виде номенклатура, но в народных режимах сам народ отбирает из своей среды тех своих членов, которые заслужили стать частью той политической отстойки, которая имеет своей функцией блюсти постоянные политические интересы всего государства. Таковой отстойкой у древних славян было “малое вече”, как у южных славян в Которе, или “совет” из отслуживших свой выборный срок гражданских и военных начальников в Новгороде. Во всяком случае, такой публичный отбор политической “отстойки” должен совершаться при помощи прямых выборов, так же как и соучастие во власти на местах.

Сознательное участие всего народа в политической жизни государства основывается в свою очередь на общности и единстве народных верований. Каждый политически самобытный народ имеет своим духовным стержнем свои собственные религиозные верования. Всякое начало государственности всегда связано с определенной религиозной или мистической идеей, которая и служит катализирующим началом при политической кристаллизации отдельных народов.

В нашем конкретном случае, можно сказать, что народный строй для России не только является принципиальным началом и основной пружиной ее исторического развития, но и той программой минимум на которой мы, все россияне, можем согласиться. Народный, то есть самобыт-

СЛЕТ МОНАРХИСТОВ

15, 16 и 17 июля в американском штате New Hampshire
посвященный теме

Монархический вопрос в мировом масштабе

От Императора Августа до Царя Мученика Николая Второго

Устроители:

Монархическое Объединение в Канаде
Российский Имперский Союз-Орден
Константиновское Общество Американских МонархистовЗа справками обращаться к проживающему в США Начальнику
Имперского Союза Петру Николаевичу Колтыпину по телефону
(203) 378 - 4253

БИБЛИОГРАФИЯ

А. Краснов-Левитин. "Два писателя" (Париж, 1983).

Речь идет об А. Солженищине и о В. Максимова. Первого Левитин злобно атакует и издевательски именует Исаич (по аналогии с Ильич?); особо его раздражает вычитанная в "Пире победителей" мысль: "Октябрьская революция была навязана русскому народу". Он-то упорно доказывает, что революцию сделал народ, а борьбу с большевизмом надо вести непременно по эзеровской программе. И стоит Солженищину процитировать (по поводу лагерных мятежей) ставшую поговоркой фразу: "В борьбе обречь ты право свое!", как он его смаху зачисляет в эсэры, пусть и бессознательные. Смешновато, что свой до крайности тенденциозный разбор Левитин характеризует как "добросовестный и беспристрастный"! Насколько же плохо он сам себя понимает! Добросовестно и беспристрастно он вообще не пишет никогда; по натуре неспособен писать.

Например, Солженищин объективно отмечает в "Архипелаге Гулаг", что среди заключенных, великих себя достойно, порою и героически, попадались разные люди: социалисты, а иногда и оппозиционные коммунисты, наравне с верующими и с убежденными контрреволюционерами. Левитин же правду старается использовать нечестно, представляя дело так, будто только левые проявляли мужество и стойкость. Кого он рассчитывает обмануть? Тех, кто сам читал Солженищину, — их ведь не удастся! Максимова он уж прямо гнет под марксиста. Что не очень верно, — в том, что касается художественного творчества этого последнего. Там, наоборот, легко обнаружить сочувствие белогвардейцам и даже

монархистам: вымышленному Бо-бошко и реальным Колчаку, Краснову и Шкуро. За что, скажем со своей точки зрения, Максимова многие грехи простятся! Зато вполне прав Левитин в своей придирчивой критике описаний у Максимова жизни в монастыре, религиозных обрядов, уставов православного быта; о тех тот, действительно, высказывается совершенно не компетентно. В целом же отметим: Левитин, как правило, Максимова хвалит за его недостатки, и ругает за его достоинства (которых не понимает).

А. Краснов-Левитин "У ворот" (Париж, 1982).

Книга посвящена пропаганде социализма. И — пожелаем этому гибельному учению побольше таких проповедников! Левитин грубо навязывает читателю свои взгляды; что ему, писателю, нравится, то и публика должна любить; против чего он настроен, — и та обязана ненавидеть! У всякого мыслящего человека подобные приемы вызывают внутренний отпор. Аргументировать автор ленится и часто не считает нужным; а если и пробует, — то доводы его, по большей части,

вовсе неубедительны. Мимоходом сказать, иногда жизнь их на ходу опровергает; так, он ликует о победе социалистов во Франции; а уже ясно, что страна от них успела устать, и во второй раз у Миттеррана почти нет шансов пройти в президенты.

Нападки на капитализм, который Левитин противопоставляет социализму, не выдерживают критики. При капитализме, т. е. при частной собственности, люди живут нормально; а приходи ко власти настоящие социалисты, сиречь коммунисты, — появятся очереди и нужда. Не говоря уж об арестах и прочем... Да и где у власти социализм половинчатый, — никому от него не сладко.

Хуже, когда Левитин берется защищать Церковь. Вариант христианства, развиваемый им, только и может оттолкнуть и испугать. По счастью, в нем нет ничего общего с правдой. Что Христос де был защитником интересов еврейской бедноты (и даже первым коммунистом), — все это мы уже слышали в СССР из уст учителей Левитина, живоцерковников да и других священнослужителей, по слабости или беспринципности пытавшихся примирить Церковь с большевизмом, ценой позорных для нее

почти уже и осуществлен!

Дора Штурман. "Наш новый мир" (Иерусалим, 1981).

Автор дает трезвое, компетентное и добросовестное опровержение марксизма, притом в достойном, спокойном тоне. Только вопрос, кому оно нужно и кому адресовано? Я как и Штурман родился в СССР, там учился в школе и в университете, сдавал поневоле положенные экзамены и по марксистским наукам. Но верить в марксизм мне и в голову не приходило. Да и кто же в него там верит?

Штурман пишет: "Мировоззрение наше формировалось в поле магически-неотразимого воздействия непрочитанных книг, воспринятых в тенденциозном пропагандистском пересказе, приспособленном к мирозерцанию воспитуемых". Для таких вот людей, — а похоже, как ни странно, они реально существуют в среде новейших! — труд Штурман будет полезен. Мог бы быть и для иностранных марксистов. Даведь те читать не станут; а и прочтут, все равно не поверят! Нам же, немарксистам, доказывать ложность марксизма не к чему. Дать нам аргументы для догматических споров с убежденными начетчиками марксизма? Это — да. Но стоит ли спорить с фанатиками?

Книга, в целом, превосходна. Отметим лишь странную латинскую формулу кириллицей: *пост фэстум*. Что-то нам невразумительно... Может быть, надо читать: *пост фактум*? И, тоже, неприятную (непродуманную?) фразу о колониях, будто бы унаследованных большевиками от царизма; на самом деле, колоний у нас никогда не было.

Наименее удовлетворительная часть работы Штурман, это — словесие демократии. Разложение таковой мы сейчас наблюдаем; и зрелище — препротивное! Кроме того, на ряд вопросов писательница гут не умеет ответить. Если нужна полная свобода, то как бороться с порнографией, наркотиками, хулиганством (необходимость чего она, вроде бы, и сама сознает)? И к чему сомнения о том, кто определяет хорошее и плохое, позволительное и непозволительное? На то есть опыт наших предков, выработанные ими законы и традиции, и, наконец, — заповеди главных мировых религий, в основном совпадающие между собою.

Владимир Рудинский

ный, а значит и свободный строй, при соучастии во власти всего народа — главным образом во власти на местах, — и при публичном отборе общегосударственного руководства, является самым минимальным, но в то же время и самым широким политическим требованием народов России. Преодоление всяких партийных идеологий, которые являются лишь гнетущей надстройкой над народной жизнью, надстройкой не народной, но чужой, является основной предпосылкой для установления народного строя. Если народный строй будет установлен, то он в России органически разовьется в строй соборный, который, со временем, в свою очередь, разовьется естественно в православную, соборную и народную монархию. Важно выбрать правильное направление, а не спешить с провозглашением тех или иных этапов.

Народный строй в России является единственным легитимным строем нашей страны, который не только никем никогда не был правомочно отменен, но который в виду своей органической природы может быть в любой момент очень просто и без излишних формальностей полностью восстановлен.

Так, например, для преодоления первого смутного времени, был собран Земский Собор в 1612 году. Этот Собор был собран даже не в столице, а в Ярославле, во время кажущегося полного безвластия на Руси. Но этот высший политический орган нашей страны, "Совет вся земли",

не зависел от формальных ритуалов, чуждых народу и стране. Созван он был по инициативе фактической военной власти — тогда князем Дмитрием Михайловичем Пожарским — но не от характера созыва зависела легитимность этого Собора, а от его собственной сути. Суть этого "Совета вся земли" как высшего учредительного и законодательного органа нашей страны состоит в *соборном единении возглавления русской Церкви с (даже временными) военными и гражданскими властями и с высланными представителями от населения, по земскому (территориальному) признаку*. Так что, даже может не быть высшей государственной власти, как и в 1612 году, и даже русская Церковь может быть без патриарха, как и в 1612, (ибо патриарх Гермоген скончался в начале этого года под стражей врагов), и даже выбранные представители могут быть не от всей земли, по внешнему стечению обстоятельств. Важно соборное единение всех государственных и народных элементов, даже в их не полном представительстве, при условии сохранения народного и земского начала (то есть ни в коем случае не допуская сословного или партийного фракционализма) и участия Русской Церкви, как одной из основных и коренных институций нашего народа и нашей культуры, и, по возможности, при твердой и крепкой военной власти.

При сохранении этого духа и этой сути, все остальное приложит-ся

уступок (ни к чему положительному такая тактика не вела и не ведет).

Г-н Краснов-Левитин — адепт христианского социализма (с ударением на второй половине словосочетания). Кто-то из эмигрантских публицистов вполне дельно указал, что христианский социализм звучит столь же абсурдно как христианский каннибализм. На Западе люди больше всего притягивающие Левитина, это коммунисты — троцкисты. Хорошие, мужественные парни. Кряжистые. Грубоватые. Со мною с первых же слов стали говорить на "ты". Видимо, почувствовали: "Своего поля ягода". В хорошей же он компании! В ней его и оставим. Нам с ним, явно, говорить не о чем.

В России, по Левитину, должен царствовать социализм, и любая оппозиция большевизму может идти лишь по социалистическим рельсам. Правда, он выбалтывает, что народ-то того совсем не хочет! Но это — от темноты; А. Э. Краснов-Левитин лучше ведает, и не колеблясь возвещает, что России нужно.

А каков социалистический рай? Левитин вспоминает пьесу "Клоп": "Серые щиты, которые должны были изображать железобетон, люди в серых одеждах, такие же серые штампованные речи", и сердится на Маяковского и Мейерхольда. Но те лучше него поняли суть дела. И вот в маоистском Китае сей идеал

Вышла из печати и поступила в продажу книга
Д. А. ХОМЯКОВА

ПРАВОСЛАВИЕ, САМОДЕРЖАВИЕ И НАРОДНОСТЬ.

Первое издание за границей.

(В России, до революции, была издана в 1904, 1905 и 1907 годах)

Цена: 12 ам. долларов

Издание Братства преп. Иова Почаевского в Монреале

"Monastery Press", 8011 Champagne Ave., Montreal 15, Que.
Canada

И СМЕХ И ГРЕХ...

Уже задолго до смерти Брежнев называли "заводной куклой". Ходил анекдот о таком распорядке дня генсека:

- 9.00 — Реанимация.
- 10.00 — Вливание завтрака.
- 11.00 — Гримировка к торжественному обеду.
- 12.00 — Торжественный обед.
- 13.00 — Раздает ордена.
- 14.00 — Получает ордена.
- 15.00 — Перезарядка батарей.
- 17.00 — Гримировка к торжественному ужину.
- 18.00 — Торжественный ужин.
- 20.00 — Клиническая смерть.
- На следующий день в 9.00 — Реанимация...

Солженицын о Русском Общественном Фонде

Во время своего пребывания в Лондоне А. И. Солженицын ответил на многочисленные вопросы журналистов на пресс-конференции, которая была организована фондом Темплтона. Беседу с представителями западной прессы, радио и телевидения писатель предварил заявлением об арестованном советскими властями распорядителе Русского Общественного Фонда Сергее Ходоровиче. Мы приводим текст этого заявления:

Событие, о котором я сейчас скажу, само в себе заключает суть коммунистической власти в Советском Союзе.

На Западе все еще не привыкли, а у нас в Советском Союзе давно привыкли, что человеку могут предъявить обвинение не на суде, не на следствии, но в газете, и притом — не только до суда, но и до ареста.

Так произошло с Сергеем Ходоровичем. Здесь вот портрет его, английский текст заявления, которое он сделал незадолго до ареста, и некоторые материалы о нем, каждый из вас может все это получить.

Сергей Ходорович в течение многих лет руководил распределением Русского Общественного Фонда помощи семьям заключенных. Этот фонд основан мною девять лет назад, я отдал в него все права и гонорары "Архипелага Гулага". Все эти девять лет президентом фонда является моя жена Наталья Солженицына. Фонд работает в невероятно тяжелых условиях. Как это принято в Советском Союзе, все делается на добровольных движениях души: никто не имеет там штатной должности, никому не оплачивается его труд, каждый работает за счет своего свободного времени, после работы. В течение этих лет фонд помогал более чем семистам семьям заключенных и репрессированных. Как легко понять, детей было за это время соответственно много более тысячи. Эти семьи попадают в особенно тяжелое положение, потому что в Советском Союзе даже двое работающих родителей еле-еле кормят семью. А если остается одна жена, да еще часто и ее вытесняют с работы, то кормить детей собственно, нечем совсем. И вот нам удавалось 9 лет вести эту помощь. Тому, кто не представляет себе советское положение, проще всего объяснить так: фонд выживал как бы против всех физических законов. Советская власть не может этого терпеть и всегда преследовала. За это время предыдущих — до Ходоровича — распорядителей фонда арестовывали и высылали из Союза, но никогда еще не прозвучала такая нота, как в "Литературной Газете", 23 марта этого года. Вы знаете, есть такая "Литературная Газета", которая занимается всем, чем угодно, кроме литературы. Советские власти выпускают ее, когда надо гавкнуть. И вот она была выпущена и объявила, что деятельность Сергея Ходоровича и тех, кто с ним работает, подпадает ни много ни мало под понятие "измена Родине". Вот суть советской системы: помощь, милосердная помощь — есть государственная измена. И действитель-

но, — через две недели после этого Ходорович был арестован и теперь над ним висит опасность такого обвинения. Это обвинение, эта статья (64, УК РСФСР) предусматривает наказание — вплоть до расстрела.

В связи с этим, я хотел бы сделать еще два замечания. Советские власти время от времени, когда создается тяжелая международная атмосфера, вдруг, например, выпускают одного человека в эмиграцию, и крупные советологи пишут: это знак, это начало разрядки, начало улучшения отношений. Я очень бы попросил вас предупредить ваших читателей, что если в скором времени кого-нибудь вот так выпустят, пусть они помнят, что распорядитель фонда сидит в тюрьме и сотни семей и тысячи детей лишены хлеба. И второй чрезвычайно важный характерный штрих: это не является шагом только советским, такой же точно шаг сделан на днях в Польше. Там кардинал Глемп организовал нечто вроде нашего фонда, очень родственную нам организацию. В костеле св. Мартина в Варшаве был склад медикаментов и одежды, которые раздавали семьям заключенных. Так вот, молодчики из польского ГБ в штатском, некоторые по неосторожности были даже с рациями через плечо, ворвались в это помещение, побили шкафы, топтали лекарства, избивали тех людей, которые там были, включая и женщин. Вот эти одинаковые действия по отношению к русскому фонду и к фонду в Польше показывают, что коммунистические власти не останавливаются ни перед чем, они уже ведут безжалостное наступление на женщин, детей, на нищих и голых.

— Чем могут помочь западные правительства?

— Я думаю, что даже не столько западные правительства, сколько настроение в прессе. Надо, чтобы западная общественность понимала: вот, каждый день эти несколько сот семей лишены помощи. Каждый день они не знают, что им есть. И еще — что в Советском Союзе милосердная помощь рассматривается как измена родине, как государственная измена.

— Заключенные, котрым Вы помогаете, — за что их судили?

— Это узники совести, которые посажены за убеждения, за религиозную веру, за распространение свободной литературы. Наш фонд не делает никаких различий ни в религии, ни в национальности, ни в направлении убеждений.

— Но все-таки, как конкретно мы, западные люди, можем помочь?

— Я только напоминаю, что один раз такая широкая кампания, в которую мы вложили много сил, удалась. Удалось вырвать Александра Гинзбурга, который был как раз вот в этой должности — руководителем фондом.

Комитеты помощи, публикации, письма, статьи в газетах, обсуждения в университетах, объяснение

этой невероятной, нечеловеческой истории, когда преследуют только за милосердную помощь, больше ни за что, — это все будет действовать, конечно, и может смягчить судьбу Ходоровича, и Фонду даст возможность еще продолжать работу. Действенно всякое напоминание, что западный мир не проходит мимо того, что доброта преследуется как государственная измена. Я уверен, что это поможет. Конечно, мир озабочен сейчас сотней вопросов своего существования. Но такие случаи иногда бывают, когда весь мир мобилизуется даже на какой-то очень, очень частный случай в Советском Союзе. Но наш случай как раз принадлежит к тем, когда речь идет не только о личной судьбе Ходоровича, но о сотнях семей и тысячах детей.

— Как Вы думаете, будут ли советские власти пытаться устроить показательный процесс над Ходоровичем?

— На этот вопрос ответит моя жена.

Н. С. — Возможность показательного процесса над арестованным полностью зависит от того, как ведет себя человек на следствии. Следствие в советской тюрьме обычно очень тяжелое и длительное. Бывает, что люди не выдерживают. Если следствие видит, что человек готов идти на какое-либо сотрудничество, в таком и только в таком случае может быть устроен показательный процесс. Мы верим, что с Ходоровичем этого не случится. Это исключительно спокойный человек, который чувствовал себя призванным оказывать помощь тем, кто в ней нуждается, помимо этого он не занимался никакой другой общественной деятельностью. Очень скромный и очень сильный одновременно. Мы уверены, что он не пойдет ни на какие уступки, и тем самым, скорее всего, это будет тайный, темный и жестокий процесс. От реакции на Западе, однако, в большой мере зависит жестокость приговора. Короткий пример из недавнего времени. В августе прошлого года в Москве была арестована 53-летняя Зоя Крахмальникова, редактор самиздатского религиозного сборника "Надежда", в котором не было действительно ничего, кроме христианского чтения. Ей была предъявлена 70-я статья, по которой верхний срок 7 лет лагеря и 5 лет ссылки. Ее судьба привлекла внимание Американской миссии в Объединенных Нациях. Они проявили свою озабоченность публично — на сессии ООН. Крахмальниковой дали 1 год тюрьмы и 5 лет ссылки. Разумеется, она вообще не должна была быть арестована, потому что никакого преступления за ней нет. Но наша проклятая жизнь такова, что мы все здесь на Западе радовались: "Ты слышал, какая радость, ей всего 1 год дали и 5 ссылки!" — Это очень мягко по советскому счету.

В эти же дни в Киеве была осуждена на 7 лет лагеря и 5 ссылки Ирина Ратушинская, по той же самой статье. Непонятно даже, в чем ее обвиняют, за что этой девочке переломали всю жизнь. Однако вот, никто на Западе не бил тревогу в связи с ее арестом — и она сидит.

И вот сейчас у каждого из вас есть возможность облегчить реальную человеческую судьбу — судьбу Сергея Ходоровича и тех многих, кому он помогал.

ПЕЧАТЬ

КРИВОЕ ЗЕРКАЛО

"Обозрение" № 4. Сие приложение к "Русской Мысли" воплощает американскую пропаганду, адресованную русской эмиграции. Работа топорная; да и что стараться! А, с другой стороны, даже и на высшем уровне, — что же умного могут гарвардские профессора сказать о России?

В сюрреалистическом этюде С. Монаса о Петербурге, "Нереальный город", где автор восхищается Ю. Иваском и клеймит Солженицына как закоренелого (!) славянофила, есть все-таки один любопытный пассаж: "Лично для меня любимое место в Ленинграде — Храм на Крови, сооруженный как памятник Александру Второму на том месте, где он был убит... Но вокруг церкви ограда, и она уже давно закрыта. Вокруг ограды стоят старухи, молятся, преклоняют колена... Часто они молятся со страстью. Не раз я видел слезы. Старухи — не единственные, кто останавливается здесь, и даже молятся не одни старухи... Милиционеры не любят, когда в этом месте задерживаются надолго... И все же ограда Храма на Крови стала... модным местом для ленинградской интеллигенции. Не знаю, зачем они приходят сюда... Но они приходят". Догадаться-то, пожалуй, не так-то бы и трудно; но надо иметь голову на плечах.

Ирландец П. О'Мира, преподаватель Дублинского Университета, выполняя социальный заказ по прославлению декабристов, пытается реабилитировать отца Пестеля, генерал-губернатора Сибири, знаменитого взыска и тирана. Относительно же Пестеля младшего, он приводит следующие, не лишние интереса отзывы:

Д. Кропотова, "молодого современника декабристов, впоследствии написавшего сочувственный биографический отзыв о Рылееве": "Немец по происхождению, иностранец по воспитанию, протестант по религии, он не был связан с Россией никаким родственным чувством". Декабриста Абрамова: "Злейший из людей, с которым я встал когда-либо в жизни моей". Другого декабриста, Фонвизина: "В душе его было что-то чертовое, отталкивающее симпатическое сочувствие".

Зря О'Мира утверждает, будто Пестель сочувствовал движению Ипсиланти за освобождение греков: по свидетельству Пушкина, он, наоборот, предал Ипсиланти, оклеветав его перед царем.

Пестель заплатил за свои заблуждения смертью, и нет нужды чернить его память. Однако, несомненно: его личность, изо всех рассказов и документов, встает в мало привлекательном свете. Вот и шотландец Роберт Ли, врач императора Александра Первого, о нем отметил: "Пестель человек удивительного тщеславия и обожает лесть. Он воображает себя другим Бонапартом. Конечно, он не имел в виду общественного благоденствия". Вряд ли это суждение не ближе всего к делу!

В. Р.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

НЕУДОВОЛЬСТВО КЛИРИКА МИТРОПОЛИИ

В № 28 "Голоса Зарубежья" было помещено письмо в редакцию этого журнала протоиерея американской автокефальной церкви о. Дмитрия Константинова.

Он выражал свое неудовольствие по целому ряду поводов. Дело в том, что в предыдущем номере "Голоса" была напечатана корреспонденция из США с описанием приезда туда "советского патриарха Пимена". Отец Константинов сетует, что было подчеркнута близкое общение этого патриарха с митрополитом Феодосием. И чтобы объяснить характер такой встречи советского иерарха с американским о. Константинов привел такое сравнение: "Для этого имеется ровно столько же оснований, сколько для того, чтобы назвать государственного секретаря США "другом" Громько, поскольку он постоянно встречается с ним. На этом же основании можно будет назвать президента США "другом" Андропова, если между ними состоится встреча и беседа. Митрополит Феодосий — американец, и его встреча с патриархом Пименом носит церковно-дипломатический характер в рамках американских традиций и норм государственного департамента США".

Хорошенькое дело, подобное сравнению! Неужели о. Константинов хочет нас уверить, что это так! Неужели он сам этому верит? Когда встречаются два государственных деятеля двух разных стран, то ведь это встреча двух совершенно чужих один другому политиков. А тут встречаются два архиерея Единой Православной Церкви! Оба друг друга признают, имеют постоянные канонические и бытовые сношения. Для митрополита Феодосия Москва даже является "Церковью-Матерью", то есть Церковью из недр которых была дана американская автокефалия. Причем же тут "нормы американских традиций"?

Недоволен о. Константинов и тем, что глава американской Церкви назван автором указанной корреспонденции "Феодосием автокефальным". И по этому поводу он поучает нас, что, мол, всякая Церковь автокефальна. Не-автокефальных Церквей в природе не существует.

Все это так. Но в том-то и дело, что все Православные Церкви на самом деле автокефальны. А вот насчет автокефалии американской, позволите усомниться. Поясню примером. У нас в Институте как-то вышла некоторая неувязка в питании сту-

дентов. И Володя, один из нас, вызвался переговорить с начальством: "Я это сумею дипломатически разрешить". Пошел. Ничего у него не вышло, только еще больше запутал и усложнил дело. И с тех пор получил у нас этот незадачливый делегат кличку "Володя-Дипломат".

Тоже самое и с американской митрополией. Иначе как "автокефалистами", право, их и не назовешь. Ведь помимо Москвы и Церквей стран-сателлитов их никто не признает. На территории этой "автокефальной американской Церкви" Восточные Церкви имеют и свое священноначалие и свои епархии. Больше того, даже Москва сохранила в США, несмотря на дарованное "автокефалие" — и свои епархии и свои приходы и своего архиерея.

Значит, "автокефальная", да неудачная!

Наконец о. Константинов сетует, что автор заметки "трусливо" спрятался за инициалами.

Я только-что просмотрел множество французских газет. Посмотрел, как подписывают авторы различных "писем в редакцию" или подобных "заметок".

Одни, правда, — полной фамилией. Другие — лишь инициалами. Нужно думать, что авторы писем редакции известны. Но они не хотят афишировать себя лично, а передают лишь мысли. Может быть сосед, что напротив в квартире живет, окажется обратного мнения. Может быть хозяин предприятия или начальник бюро, в котором служишь — окажутся несогласны и как-то повредят. Причин может быть множество. И, нужно думать, никто, во всяком случае во Франции, этому не удивляется! А вот о. Константинов удивился! — Помню, как в одной советской брошюре, говоря о конверте, присланном из Зарубежья в СССР (в нем лежала религиозная литература) было сказано: "Отправитель не написал своего имени ни адреса на лицевой стороне конверта, а трусливо пометил его с обратной стороны" (как известно, в СССР имя и адрес отправителя должны быть обязательно указаны на лицевой стороне, а не на обороте конверта, как делается почти всюду). Но причем же здесь "трусость"?

Подобные реакции клирика американских автокефалистов — характерны. Они показывают в каком завидном положении они очутились...
И. Боржанский

ОПЕЧАТКИ

Опечатки в "Н. С." № 1716. В статье "Яд модернизма", на второй колонке, 7-ю строку следует читать: Читателю, твердо стоящему на почве отрицания сталинизма, все же трудно согласиться с ценностью подобного "художественного" языка.

Там же, на второй колонке, последний абзац следует читать так: Таким образом во избежание абсолютного абсурда, нужно согласиться с тем, что вышеприведенная цитата взята все-таки из "Дневника писателя" Достоевского за 1877 год и обличает то "жульничество", которое туманно разглагольствуя, обнаруживает сам Д. А. Антонов.

В Сан Франциско (США)
"НАШУ СТРАНУ" можно
купить в книжном магазине

"GLOBUS"

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕНИ
И. Л. СОЛОНЕВИЧА

В "Фонд Издательства имени Ивана Лукьяновича Солоневича" поступили следующие суммы:

от Н. Казаковой — 43,96 ам. долл., от А. Верховской — 30 ам. долл., от Г-на Федеева — 570 а. песо, от А. М. — 428 а. песо, от Л. Трёмбовельской — 100 а. песо, от иерея А. Дудкина — 58 ам. долл., от А. Шолона — 20 а. песо, от О. и Г. Ракитиных — 96 а. песо, от Д-ра Е. Анцибор — 300 а. песо.

12 июня с. г. скончался многолетний регент хора нашего Храма

БОРИС ВИССАРИОНОВИЧ ЕРМОЛЬЕВ

о чем с прискорбием сообщают прихожане Церкви Покрова Пресвятой в Парагвае. Покойник был похоронен на местном Православном кладбище

МОНАРХИЧЕСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

ИНДИЯ ДУХА

А. П. Керн, — та самая: "Я помню чудное мгновение", — запечатлела в мемуарах, как Дельвиг представил Пушкину маленького братишку, говоря, что он пишет стихи в романтическом жанре. Александр Сергеевич попросил мальчика прочесть свое сочинение, и тот, не робея, продекламировал:

Индиянди, Индиянди, Индия.

Пушкин в восторге расцеловал ребенка и воскликнул: "Он, точно, романтик!" Великий поэт и тут, как обычно, выразил мысль глубоко. Индия (и Испания; но в другом плане) навсегда стала спутницей русской романтики. Не зря Гумилев к любимой девушке обращался:

День, когда ты узнала впервые,
Что есть Индия, чудо чудес,
Что есть тигры и пальмы святые,
Для меня этот день не исчез.

И в другом стихотворении (одном из лучших своих) упомянул про вокзал, на котором можно:

В Индию духа купить билет.

Впрочем, задолго до него Жуковский повествовал о себе:

Мнил я быть в обетованной
Той стране, где вечный мир;
Мнил я зреть благоуханный,
Безмятежный Кашемир.

Да и А. К. Толстой любил цыган за то, что:

Из Индии дальней
На Русь прилетев,
Со степью печальной
Их свылся напев.

И охотно переносился душой туда, где:

Магадев, Земли владыка,
К нам в шестой нисходит раз...

Сколько паломников Русь высылала в загадочный, далекий южный край, от тверитянина Афанасия Никитина до Верещагина с его жуткими зарисовками усмирения англичанами сипайского восстания! Ах, зачем Павел Первый остановился в дерзком порыве и вернул уже маршировавших на восход солнца казаков! Ведь как нас там ждали... Все тут сходятся, и теософка Блаватская, с искренней симпатией рассказавшая о страданиях угнетенного населения, и заурядный офицер в деловой командировке Новицкий, тчетно объяснявший жадно распрощавшим его индусам, что Россия не собирается завоевывать их страну. Даже Хрущева простой народ приветствовал при приезде криками: "Да здравствует русский царь!" Увы, это уже была не та Россия...

Леденящий страх сдавливал горло англичанам, — включая луч-

ших: много ли у них равных Киплингу! а перечитайте-ка "Ким"! — при мысли о грандиозной соседней Империи, на столь иных от ихних базах основанной, где не существовало "ига белого человека" и не имелось грани между Востоком и Западом, где не знали разницы между европейцами и азиатами, белыми и цветными.

Отнюдь не напрасное опасение! Малайский султанат Аче, изнемогая в войне с голландцами, молил русского Императора о покровительстве; близкая по вере Эфиопия тянулась к нам, открывая дороги Африки; тропический Сиам отправлял своих принцев на обучение в Петербург, откуда они часто возвращались с русскими женами; великий путешественник Миклухо-Маклай уговаривал Александра Третьего принять в подданство Новую Гвинею. Мусульманская Азия с почтением шептала имя Белого Царя, Ак Падишаха; таинственные нити связывали нас с Тибетом.

К несчастью величина задач превосходила (или так казалось только?) наши силы:

Как солнышко на всех угреть не может,
Так Государь на всех не в силах угадать...

На Дальнем Востоке ослепительные горизонты нам открывались; кабы мы следовали лишь мудрой политике графа Витте! На беду, скрежетавшие зубами враги сумели нас втравить в ошибки, затем ими воспользоваться... и что ж получили взамен? Что осталось от Великой Британии? Где колониальные владения Франции? Не поделена ли Германия напополам? А Америка, не обожглась ли предельно об отравленный коммунизмом Индокитай?

Не рой другому ямы...

Гамид Садыкбаев

Цена номера газеты, посылаемой воздушной почтой: Австралия — 0,80 австралийских долларов; Германия — 1,80 немецких марок; Италия — 900 лир; Парагвай — 100 гварани; США — 0,80 долларов; Франция — 4,40 франков; Чили — 30 песо. Все остальные страны — 0,80 долларов США.

Цена номера газеты, посылаемой простой почтой: Аргентина — 2.- а песо; Франция — 4 франка; США и все остальные страны — 0,75 долларов.

"Моней ордер" и чеки должны быть выписаны на имя издателя (Miguel Kireeff), с местом уплаты в США или в Европе и посланы по следующему адресу:

Sr. Miguel Kireeff
Monroe 4219, Dpto. 10
1430 Buenos Aires — Argentina